ЛИШНИЙ ГОСТЬ

МАРИНА СИВЕРСКАЯ

Валя Смирнова

Лишний гость

«Автор»
2026

Смирнова В.

Лишний гость / В. Смирнова — «Автор», 2026

В загородном отеле «Сосновый берег» к ужину накрывают девять приборов. Но постояльцев всего восемь.Хозяин обещает лично встретить загадочного гостя. А спустя несколько часов его находят мёртвым.Проливной дождь отрезает гостиницу от внешнего мира. Никто не может уехать, и почти каждому есть что скрывать. Старые обиды, сомнительные сделки, чужие секреты — всё, что годами оставалось в тени, постепенно выходит наружу.Администратор Вера Белова пытается восстановить события той ночи. Но свидетельства противоречат друг другу, привычные лица оказываются чужими, а самая незначительная деталь способна изменить всю картину.Для кого было приготовлено девятое место? Кто приходил к хозяину незадолго до смерти? И почему некоторые тайны опаснее самого преступления?Ведь порой страшнее всего не тот, кто вошёл в дом без приглашения, а тот, кого здесь давно ждали.

© Смирнова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девятый прибор 6
Глава 2. После ужина 13
Глава 3. Никто не уезжал 19
Глава 4. Последний разговор 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Марина Сиверская, Валя Смирнова
Лишний гость

Лишний гость

Глава 1. Девятый прибор

— Людмила Павловна, почему девять?

— Потому что восемь плюс один, — ответила повар, не оборачиваясь. — Если ты про тарелки.

Вера Белова остановилась в дверях столовой. На длинном столе лежали девять тканевых салфеток, стояли девять бокалов и девять одинаковых тарелок с тонким синим ободком. Вера только что проверила заселение: шесть номеров, восемь человек. Виктор Аркадьевич за общим столом есть не собирался, а до ужина просил не беспокоить его в кабинете.

— Я про гостей. У нас восемь.

— А ты мне в шесть пять звонила зачем?

Вера достала телефон. Сообщение хозяина действительно было: «Добавьте один прибор. Возможно, человек успеет. Я сам есть не буду». Она прочитала его, когда Игорь пытался открыть заевшую дверь шестого номера, и тут же передала распоряжение на кухню.

— Всё, вспомнила. Оставляйте.

— Спасибо, разрешили, — сказала Людмила и потянулась за вазочкой с солёными огурцами. — Только если этот человек придёт к десерту и потребует горячее, я ему предложу самому пожарить судака.

— Он, может, вообще не придёт.

— Вот тогда и хорошо. Будет запасная тарелка. У нас в прошлую субботу господин из четвёртого номера соус прямо на скатерть вылил. Даже не извинился. Сказал, что она и так с пятном.

Людмила говорила сердито, но скатерть разглаживала с такой тщательностью, будто именно сегодня ждали ресторанного критика. Она работала на «Сосновом берегу» с открытия, помнила прежнюю ведомственную базу и считала большинство перемен сомнительными. Исключение делала для новой духовки и посудомоечной машины.

За окнами шёл дождь. Не первый за день, но самый настойчивый: по карнизу ровно стучало, дорожки возле корпуса темнели, а дальние сосны терялись за мокрым стеклом. На берегу Камского водохранилища сентябрь быстро объяснял приезжим, что обещание «отдых у воды» не включает хорошую погоду.

В холле кто-то хлопнул входной дверью.

— Девушка! — позвали от стойки.

Вера не стала объяснять, что девушке тридцать девять и у неё дочь в девятом классе. К тому же мужчина, который её звал, был вполне способен назвать девушкой и Людмилу Павловну.

Павел Громов стоял на коврике, стряхивая воду с рукавов дорогой ветровки. Он приехал с женой днём и успел дважды спросить, на месте ли владелец.

— Там у вас внизу ручей через дорогу переливается. Я машину переставил повыше. Скажите кому-нибудь.

— Игорь уже смотрит водоотвод, — ответила Вера. — Спасибо.

— Если завтра не выберемся, Виктор мне за номер доплачивать будет?

— Завтра разберёмся с дорогой. Пока проехать можно.

— Это вы сейчас как администратор говорите или как оптимист?

— Как человек, который видел эту дорогу весной.

Громов хмыкнул, но не улыбнулся. Снял часы, протёр запотевшее стекло пальцем и снова застегнул ремешок. Из кармана у него зазвонил телефон.

— Нина, я внизу. Ну сколько можно собираться? Мы не в Большом театре, — сказал он и, выслушав ответ, поморщился. — Ладно, не кричи. Я жду.

Вера проводила его взглядом. В анкете Громовы написали «отдых», но Павел Сергеевич больше интересовался хозяином, чем отдыхом. Впрочем, сегодня таких было несколько.

Несколькими часами раньше почти каждый из восьмерых приехал со своим объяснением, зачем ему понадобился берег в плохую погоду. Вера услышала столько раз слово «отдохнуть», что к четырём часам перестала его замечать. На столе у неё лежали договор с прачечной, три незакрытые заявки на ремонт и письмо от организаторов следующего свадебного банкета: невеста хотела знать, можно ли поставить живые цветы возле открытого огня. На всё требовалось ответить до конца смены, а Лавров с утра запретил присылать ему посетителей без предварительного звонка.

Утром Игорь принёс в приёмную коробку с дверными ручками. Коробка промокла в машине, на картоне расползлась синяя надпись «хром». Игорь поставил её на пол и обиженно сообщил, что поставщик опять перепутал крепления. Вера попросила не оставлять железки там, где ходят гости. Он начал оправдываться, затем увидел её лицо и молча отнёс коробку в подсобку. Через пять минут вернулся с двумя конфетами из автомата.

— Не подкупай начальство, — сказала Вера.

— А что мне остаётся? Жаловаться на условия труда?

— Можешь. Только письменную жалобу придётся регистрировать мне.

Он оставил одну конфету на стойке и пошёл менять лампу в шестом номере. Вера съела её не сразу. В гостинице вещи, отложенные на минуту, имели дурную привычку ждать до ночи.

Елена Корнеева появилась без чемодана — с небольшой дорожной сумкой и планшетом под мышкой. Вера узнала фамилию по предварительному бронированию, но не могла понять, почему в примечаниях значилось «отдельный номер по личной просьбе», а в электронном письме от организатора встречи — «семейное размещение». Она показала гостье анкету. Елена быстро заполнила всё, кроме графы «контактное лицо».

— Можно её не заполнять? — спросила она.

— Можно.

— Мне обещали номер не рядом с Андреем.

— У нас небольшой корпус. Но комнаты будут на разных этажах.

Елена посмотрела на план и впервые за разговор выдохнула свободнее.

— Спасибо. Я не хочу ссор. Просто не хочу всё время быть в пределах досягаемости.

Вера выдала ключ, не спрашивая, что именно делало это расстояние необходимым. Бывали гости, которым нужен был второй халат, бывали те, кому требовался второй комплект полотенец. Иногда человеку требовалось только право не отвечать на стук в дверь.

Руднев приехал следом и почти сразу попросил посмотреть переговорную. Открыл папку, разложил листы на столе, оценил, где находится розетка, проверил связь. Увидев в окне берег, он удивился, что пристань до сих пор не убрана.

— Она не наша, — ответила Вера прежде, чем успела подумать о юридической точности. — То есть мы её обслуживаем, но старые конструкции не трогаем. Там опасно.

— А в документах что?

— Не знаю. Я отвечаю за гостей.

— Здоровая граница полномочий, — сказал юрист, не скрывая иронии.

Он спросил, когда можно поговорить с собственником. Услышав «после девяти», пролистал календарь в телефоне и уточнил, что завтра с утра планирует провести с ним два часа. Вера записала просьбу, но обещать встречу не стала.

Кирилл и Марина приехали на машине с запотевшими окнами и почти поссорились ещё до получения ключа. Кирилл хотел сразу занести фототехнику в сухое помещение, Марина просила сперва подняться в номер и выпить воды. Потом он заметил на стене большой снимок берега, снятый до строительства деревянной террасы, и замолчал посреди фразы.

— Это здесь? — спросил он.

— Здесь. Давно снимали.

— У моего отца была почти такая же фотография. Только с другой стороны.

Марина застегнула молнию на сумке.

— Кирилл, если мы сейчас начнём обсуждать каждый снимок, я лягу на стойку и усну.

Он извинился. Она тоже, уже на лестнице. Вера подумала, что люди способны потратить всю дорогу на разговор, который откладывают до приезда, а потом обнаружить, что устали настолько, что не могут произнести ни слова.

Ольга Миронова заселилась последней из тех, кого ждали до вечера. На улице ещё не стемнело, но в её плаще уже пахло мокрым лесом. Она не спросила ни про ресторан, ни про телевизор. Сразу протянула Вере копию письма и попросила передать Лаврову.

— Это обращение кооператива. Он знает, о чём речь.

— Документ лучше оставить у администратора под запись. Я отмечу, кому и когда передала.

— Не потеряете?

— Нет.

Ольга посмотрела на Веру и положила поверх письма свою визитку. Бумага была плотная, старая, на ней стоял адрес, который Вера не знала.

— Вы можете просто сказать ему, что я здесь, — попросила женщина. — Если он не захочет разговаривать, я хотя бы буду понимать, что он видел письмо.

Вера завела запись во входящем журнале. Ольга дождалась, пока она допишет время, и только после этого взяла ключ. Вера запомнила, как Ольга дождалась записи, прежде чем забрать ключ. Для некоторых гостей отметка в журнале значила больше, чем расписание ужина.

После четырёх Тамара принесла стопку свежих полотенец и сообщила, что в коридоре второго этажа пахнет сыростью. С тех пор как на берегу пошли дожди, из вентиляции тянуло холодом; Игорь обещал проверить заслонку. Вера внесла заявку, а Тамара неожиданно задержалась.

— Лавров правда продаёт гостиницу?

— Договора пока нет.

— Я не спрашиваю про договор. Я спрашиваю, кому потом будут нужны мои руки.

— Тамара, пока у нас нет ответа.

— Вот именно. Договоры всегда есть на что-то, кроме нас.

Она ушла собирать бельё. Вера открыла список контактов и нашла номер бухгалтера. Хотела спросить, кто будет согласовывать закупки в случае смены владельца, но сбросила вызов: бухгалтер в любом случае услышала бы за вопросом то же самое, что Тамара.

Около шести Вера вернулась к журналу. За стеклом темнело, на мониторе мигало уведомление о неоплаченном счёте за моющие средства, а у входа уже кто-то стряхивал воду с зонта. До ужина оставалось меньше часа.

У стойки лежал журнал заселения. Вера ещё раз проверила фамилии: Андрей Корнеев, Елена Корнеева, Павел и Нина Громовы, Кирилл и Марина Сазоновы, Ольга Миронова, Дмитрий Руднев. Корнеевы приехали порознь, предъявили разные документы и поселились в разных номерах; одинаковую фамилию Вера отметила про себя, но вопросов не задавала. Шесть номеров, восемь гостей. Никакого девятого.

Она набрала внутренний номер кабинета.

— Да? — ответил Лавров после пятого гудка.

— Виктор Аркадьевич, это Вера. Дополнительный прибор поставили. Мне гостя встречать?

— Не нужно. Я сам.

— Он будет ночевать? Тогда надо подготовить номер.

— Не будет.

— Хорошо. Только на всякий случай: фамилию мне знать нужно?

За стеной кабинета что-то стукнуло, словно Лавров положил на стол тяжёлую папку.

— Вера, ты семь лет здесь работаешь. Когда я прошу не заниматься гостем, значит, я сам им займусь.

— Поняла. Андрей Викторович Корнеев уже приехал. Вы просили сообщить.

— Видел. После ужина поговорим. Не передавай ему ничего, я сам найду.

Связь оборвалась. Вера поставила трубку и с минуту рассматривала телефон, как будто тот был виноват в чужом настроении.

Из кухни вышла Людмила с подносом хлеба.

— Ну что, кого кормим девятым?

— Пока никого. Хозяин сам встретит.

— Удобно. Тогда пусть сам и моет девятую тарелку.

Вера пошла проверить свет в коридоре. На лестнице ей навстречу спускался Кирилл Сазонов с фотосумкой. Молодой, худой, в очках с мокрыми дужками. Его жена осталась наверху: жаловалась на головную боль после дороги.

— Подскажите, старая пристань ещё существует? — спросил он.

— Остатки. Но сегодня туда лучше не ходить: глина, берег скользкий.

— А до ремонта здесь что было?

— База отдыха. Корпус тот же, только пристройка новая.

— Вы давно работаете?

— Семь лет.

Кирилл явно хотел спросить ещё что-то, но со стороны холла послышался голос женщины:

— Кирилл, ты обещал подняться за лекарством, а не брать интервью у всего персонала.

Марина Сазонова стояла на лестничной площадке, придерживая рукой перила. Муж виновато улыбнулся.

— Я на минуту.

— Ты всегда на минуту. А потом батарея у фотоаппарата садится, и виновата я.

Они поднялись наверх, переговариваясь уже тише. Вера сделала пометку о пристани: завтра надо попросить Игоря показать безопасную тропу, если дождь прекратится.

В шесть сорок пять из кабинета вышел Виктор Лавров. Шестьдесят один год, светлая рубашка, прямые плечи, аккуратно зачёсанные седые волосы. Вера видела его и после бессонных ночей, и с температурой, но ни разу — в домашней одежде перед постояльцами.

Вера помнила, как весной он без долгих согласований оплатил операцию матери гостиничного водителя, а через неделю полчаса выяснял, почему салфетки закупили не по оптовой цене. Людмила тогда сказала, что с живым человеком спорить труднее, чем со сметой. Лавров сделал вид, будто не услышал.

— Всё готово? — спросил он.

— Через пятнадцать минут ужин. Людмила успевает.

— Хорошо. Если кто-то будет спрашивать меня до девяти, я занят.

— Даже Дмитрий Валерьевич?

Лавров помедлил.

— Особенно он. Завтра достаточно времени для разговоров.

— Сотрудники спрашивают, правда ли отель продаётся.

— А ты что отвечаешь?

— Что окончательного решения нет.

— Правильно.

— Но оно будет?

Лавров посмотрел на неё внимательнее, чем обычно.

— Вера, ты хорошая управляющая. Хоть по документам у тебя другая должность.

— На увольнение похоже, Виктор Аркадьевич.

Он коротко усмехнулся.

— Вот за это и ценю. Завтра всё станет понятнее.

— Людмиле тоже так сказать?

— Людмиле лучше ничего не говорить до понедельника. Она иначе до воскресенья выскажет мне всё, что думает.

— Возможно, вы недооцениваете её скорость.

Лавров впервые за вечер улыбнулся по-настоящему. Потом заметил в конце коридора мужчину в тёмном пиджаке, и улыбка исчезла.

Андрей Корнеев шёл от лестницы, на ходу убирая телефон. Невысокий, плотный, с тщательно выбритым лицом. Вера запомнила его с прошлых приездов: он всегда здоровался с персоналом по имени и оставлял чаевые, даже если просил всего лишь принести дополнительную бутылку воды.

— Виктор Аркадьевич, две минуты, — сказал Корнеев.

— Завтра, Андрей.

— Это по завтрашнему разговору.

— Тем более завтра.

Корнеев посмотрел на Веру и понизил голос:

— Там есть вещи, которые лучше не обсуждать при посторонних.

— Вот и не обсуждай, — сказал Лавров. — В девять тридцать зайдёшь. И принеси оригиналы.

Он вернулся в кабинет, закрыв дверь плотнее, чем требовалось.

Корнеев постоял перед ней, затем повернулся к Вере.

— У вас здесь принтер работает? Мне пару страниц распечатать.

— Работает. Отправьте на почту ресепшена, адрес на карточке номера.

— Спасибо. — Он натянуто улыбнулся. — Не день, а праздник.

— У нас пятница, — сказала Вера.

— Именно.

Он ушёл наверх. Вера заметила, что куртку он нёс на согнутой руке, хотя от лестницы до столовой было тепло. На манжете темнело мокрое пятно.

В семь гости начали собираться к ужину. Руднев, юрист покупателя, пришёл первым: поставил телефон экраном вниз и попросил минеральной воды без газа. Следом появилась Ольга Миронова, небольшая женщина с короткой стрижкой и такой прямой спиной, будто всё ещё стояла перед школьным классом. Она долго рассматривала фотографии старой базы на стене.

— Это ведь лодочная станция? — спросила она Веру.

— Была. Теперь там только фундамент.

— На фотографии ещё навес целый. Я его помню.

— Вы здесь раньше отдыхали?

— Работала, — ответила Миронова и больше ничего не сказала.

Громовы заняли места у окна. Нина Александровна сразу попросила мужа перестать проверять телефон, он ответил, что ждёт важного звонка. Сазоновы пришли вместе; Марина выглядела лучше, но отказалась от вина. Елена Корнеева села отдельно от Андрея, хотя он предложил ей место рядом. Вера заметила, как они обменялись коротким взглядом, и решила, что выяснять их семейное положение всё-таки не её работа.

Девятый прибор остался на дальнем конце стола, ближе к двери. Людмила выставила супницу и оглядела собравшихся.

— Все на месте? — спросила она Веру негромко.

— Все, кто зарегистрирован.

— А загадочный?

— Хозяин сказал, что встретит сам.

Людмила поджала губы и унесла пустой поднос.

За столом разговор не клеился. Руднев попробовал заговорить о погоде. Громов ответил, что ему интереснее состояние подъездной дороги. Миронова сказала, что дорогу ремонтировали ещё при базе, только тогда не клали красивую плитку перед входом. Корнеев поинтересовался, откуда она это знает.

— Я здесь работала, — повторила Миронова.

— Давно?

— Достаточно, чтобы помнить, кому принадлежала земля.

Руднев поднял глаза от тарелки. Громов перестал резать рыбу.

— Ольга Петровна, — сказал он, — давайте хоть за ужином без этого.

— Без чего?

— Вы прекрасно понимаете.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вот и хорошо.

Вера подошла с графином воды. Миронова отвернулась к окну, но приборы держала спокойно. Зато Громов с такой силой положил нож, что тот звякнул о край тарелки.

Через несколько минут в холле открылась дверь. Вера вышла посмотреть, не приехал ли обещанный гость, но увидела только Игоря. Тот снял мокрую шапку и вытер лицо рукавом.

— Там ниже поворота совсем нехорошо, — сказал он. — Трубу под дорогой забило ветками. Вода через верх пошла.

— Машины пройдут?

— Пока да, но я бы никого ночью не выпускал. Позвоню дорожникам. Они обещали утром посмотреть, если ливень не стихнет.

— Ты сам туда больше не ходи в темноте.

— А кто пойдёт? Павел Сергеевич? Он уже сказал, что у него обувь не для грязи.

Игорь усмехнулся и снова посмотрел на мокрую дорогу: если проезд сорвётся, застрявшие гости будут требовать ответа у него. С утра он занимался отоплением, потом дверным замком, теперь дорогой. Она попросила его поесть, прежде чем снова выходить.

Когда она вернулась в столовую, девятый прибор стоял нетронутым. Людмила успела убрать тарелки из-под супа. Никто не спросил, кого ждут. Гости были заняты собственными разговорами, а свободное место на длинном столе никого особенно не удивляло.

Вера прошла к окну. На парковке сквозь дождь светились красные огоньки машины: кто-то открыл багажник, потом захлопнул. Из-за отражений она не различила человека. И не стала присматриваться. В отеле постоянно кто-нибудь забывал в машине зарядку, лекарства или вторую пару обуви.

Ей снова написал телефон. Дочь прислала фотографию пиццы, на которой кто-то выложил маслинами кривую улыбку.

Вера ответила сердечком, убрала телефон и вернулась к работе.

В восемь пятнадцать ужин закончился. Громов первым вышел из столовой, за ним Нина. Сазоновы поднялись в номер. Миронова задержалась у фотографий, а Корнеев, Руднев и Елена ещё некоторое время разговаривали возле кофемашины. Девятый прибор Людмила убрала последним.

— Не дождались, — сказала она.

— Видимо.

— А я на него порцию судака оставила. Теперь Игорю достанется.

Вера проверила журнал, закрыла кассовую смену и посмотрела на часы. До конца её дежурства оставалось меньше трёх часов. Она собиралась успеть позвонить дочери и спросить, что там с репетитором, но из кабинета хозяина снова донеслись голоса.

Голоса глушила закрытая дверь. Слова донёсшегося разговора Вера разобрала только однажды, когда Лавров повысил голос:

— Я сказал: до понедельника!

Потом стало тихо.

Вера взяла из-под стойки коробку с запасными карточками от номеров. За закрытой дверью снова раздались шаги.

Глава 2. После ужина

В половине девятого Вера дозвонилась дочери. Та смотрела у отца фильм про космос, сообщила, что деньги на репетитора нашлись, и попросила не отвлекать её до конца фильма.

За стойкой появились Елена Корнеева и Дмитрий Руднев. Елена держала тонкую папку с документами; Руднев — чашку кофе из столовой, хотя Людмила просила не выносить посуду.

— Вера, — сказал он, — можно воспользоваться переговорной завтра с девяти?

— У нас отдельной переговорной нет. Есть малая гостиная на втором этаже. Если вам подойдёт.

— Подойдёт. Там можно подключить ноутбук к экрану?

— Экран есть, переходник лучше свой.

Елена коротко усмехнулась:

— Дмитрий Валерьевич, мы сюда всё-таки не конференцию проводить приехали.

— По документам именно её. Только участников меньше.

— И ставки выше, — сказала Елена.

Руднев ничего не ответил. Он поставил чашку на стойку, заметил взгляд Веры и поспешно забрал её обратно.

— Верну на кухню. Обещаю.

Они ушли в разные стороны: Руднев поднялся по лестнице, Елена направилась к выходу. На пороге она задержалась и спросила, где можно поговорить по телефону, чтобы не мешать остальным.

— Под навесом у входа, — предложила Вера. — Но там холодно. Или в малой гостиной, если никого нет.

— Спасибо. На улице лучше.

Елена вышла, накинув на голову капюшон. Через стекло было видно, как она набрала номер и почти сразу отвернулась от двери. Люди, желавшие уединения, почему-то всегда выбирали самое освещённое место под козырьком.

В девять Игорь вернулся с дороги уже без шапки. На ботинках налипла рыжая глина.

— Мостик у ручья подмыло, — сообщил он. — Край полотна осел. Я поставил два конуса, только толку от них ночью немного.

— Машина проедет?

— Легковая, может, и проскочит. Но я бы не рисковал. Если ещё час так польёт, край совсем унесёт.

— Дорожникам дозвонился?

— Да. У них авария на трассе, обещали утром. Я сказал, что здесь люди. Они ответили, что людей лучше пока не выпускать.

Вера записала информацию в рабочий журнал. Потом попросила Игоря переодеться и поесть. Он посмотрел на свои ботинки и с виноватым видом пошёл к служебному входу, чтобы не оставлять следов на ковре.

В девять десять из столовой послышался смех. Громов, Корнеев и Кирилл Сазонов устроились за круглым столом с колодой карт. Нина Громова сидела рядом, но играть отказалась. Через несколько минут к ним присоединился Руднев. Карты были обычные, гостиничные, с фотографией сосен на рубашке. Вера купила две колоды ещё весной, когда на майские праздники застряла семья с тремя детьми и настойчиво требовала развлечений.

— Вы в преферанс играете? — спросил Кирилл, увидев Веру.

— Не настолько хорошо, чтобы связываться с вами.

— А мы тут без денег, — сказал Громов.

— Тогда особенно не вижу смысла.

Корнеев засмеялся первым. Он уже успел переодеться в тёмный свитер. Куртку оставил на спинке свободного стула у прохода: она была почти чёрная, с серой полосой вдоль молнии. Вера попросила повесить её в гардероб, но Андрей ответил, что скоро уйдёт к себе.

— Не возражаете, если мы посидим после десяти? — спросил он.

— До одиннадцати гостиная ваша. Только громко не шумите, над вами номер.

— Мы люди приличные.

— Я это слышу от каждого второго гостя, — сказала Вера.

На этот раз засмеялась Нина. Громов покачал головой, будто в гостинице персонал окончательно перестал уважать состоятельных людей.

В девять двадцать пять Лавров позвонил на стойку и попросил принести в кабинет бутылку воды. Вера взяла её из холодильника и сама прошла по коридору. Дверь была приоткрыта. На столе лежали несколько папок, ноутбук и большой коричневый конверт. Хозяин стоял у окна и говорил по телефону.

— Я услышал, — сказал он, когда Вера вошла. — Нет, до утра ждать не буду. Завтра уже поздно.

Он заметил её, прикрыл микрофон ладонью и сказал: «Оставьте, я жду». Потом показал на край стола. Вера поставила воду и вышла. У двери успела услышать:

— Мне не нужны твои объяснения. Мне нужны бумаги.

Она не знала, с кем он разговаривал, и не стала гадать. У Лаврова часто возникали споры с подрядчиками. За семь лет Вера привыкла к тому, что в его кабинете любое «срочно» могло относиться и к налогам, и к протекающей крыше.

В девять сорок, когда назначенное Корнееву время встречи уже прошло, Вере пришлось разбираться с отоплением в четвёртом номере. Нина Громова пожаловалась, что батарея едва тёплая, хотя в комнате душно. Вера поднялась с Игорем, проверила термостат и обнаружила, что кто-то выставил максимальную температуру, а окно оставил на проветривании.

К этому времени Корнеев всё ещё сидел за карточным столом. Вера не знала, перенесли ли они с Лавровым разговор в кабинете или тот так и не состоялся.

— Я же говорила Павлу, — сказала Нина. — Он думает, если крутить сильнее, станет быстрее.

— Иногда так действительно кажется, — ответила Вера, закрывая окно.

— Ему много чего кажется.

Нина произнесла это без раздражения, скорее устало. Потом спросила, можно ли получить ещё одно одеяло. Вера обещала принести.

Когда они спустились, в гостиной всё ещё играли. На диване у камина сидела Ольга Миронова с книгой, но страницы не переворачивала. Она прислушивалась к разговорам за карточным столом и иногда смотрела в сторону коридора, ведущего к кабинету.

— Не спится? — спросила Вера.

— Рано ещё. — Миронова закрыла книгу. — Виктор Аркадьевич сегодня занят?

— Да.

— Завтра он будет разговаривать с гостями?

— Думаю, да. Но лучше договориться с ним лично.

— Я пыталась.

Она сказала это так, что Вера не стала расспрашивать. Ольга поднялась и пошла к лестнице, держа книгу двумя руками, как школьную тетрадь.

У входа в гостиную Нина Громова попросила показать ей тихое место наверху. Устала слушать разговоры о деньгах, а Павел, похоже, не собирался заканчивать карты.

Вера указала на кресло с торшером у окна второго этажа. Нина поблагодарила и пошла наверх одна. Из гостиной донёсся голос Громова: он хвастался, как заставил подрядчика снизить смету.

— У каждого подрядчика есть место, где его можно прижать, — говорил он. — Главное, знать, где искать.

— И сколько раз вас после этого приглашали обратно? — спросил Кирилл.

— Приглашали, не волнуйтесь. Деньги любят твёрдую руку.

Руднев заметил Веру в дверях и вежливо спросил, не мешают ли они. Она ответила, что гости номера над гостиной не жаловались. Разговор на несколько минут стих, а потом вернулся к привычному: кто кому проиграл две взятки, почему сдача не идёт, кому положено записывать очки.

Елена Корнеева появилась у стойки с ключом в руке. Её пальто ещё не успело просохнуть после разговора под навесом. Она попросила кипяток и спросила, можно ли завтра выехать раньше расчётного часа.

— Конечно. Сообщите, когда будете готовы.

— Я не уверена, что уеду. Просто хочу знать, что могу.

Вера принесла ей маленький чайник. Елена стала складывать в чашку пакетик и на мгновение задержала руку.

— Вы ведь видели Андрея за картами?

— Да.

— Он когда играет, почти никогда не смотрит на соперника. Только в карты. И люди думают, что он совершенно поглощён игрой.

— Вы думаете, он следит за всеми?

Елена посмотрела в сторону гостиной. Оттуда послышалось, как Корнеев что-то спокойно объясняет Громову.

— Он всегда успевает замечать, кто вышел и куда пошёл, — сказала она. — У него это привычка.

Вера не стала спрашивать, что бывшая жена подразумевает. Реплика могла быть обычным раздражением. К тому же сказанное не давало никакого ответа на вопрос, чем Андрей занят сегодня вечером.

Елена взяла чайник и ушла наверх. Вера отметила, что пока у неё есть два свободных номера и один сотрудник на ночное дежурство; завтра всем этим людям предстоит нормально позавтракать. Она проверила заявку на одеяло для Громовых и сказала себе, что остальное подождёт хотя бы до утра.

Из гостиной донёсся новый спор, теперь о правилах подсчёта. Павел Громов требовал записать ему взятку, Кирилл отказывался. Руднев предложил заново перемешать колоду, а Корнеев, не повышая голоса, сказал, что прежде неплохо бы договориться, по каким правилам они вообще играют.

Вера погасила свет в коридоре у служебной лестницы. Спор за столом казался совершенно безобидным. Позднее она будет пытаться вспомнить, кто в какой момент говорил и где сидел. Сейчас же её заботило только то, чтобы люди не разбудили номера наверху.

Без десяти десять погас свет над стойкой. Через секунду он загорелся снова. Из кухни донеслось недовольное восклицание Людмилы.

— Игорь! У нас опять скачет!

— Я не электростанция, Людмила Павловна! — отозвался техник из служебного коридора.

Вера проверила компьютер. Программа бронирования продолжала работать, терминал тоже. Сбой был коротким, и никто из гостей не обратил на него внимания, кроме Руднева: тот поднял голову, посмотрел на потолок и вернулся к картам.

В десять десять Корнеев встал из-за стола.

— Я ненадолго. Мне позвонить надо.

— Ты всегда уходишь, когда сдача плохая, — заметил Громов.

— А ты всегда думаешь, что всё вокруг тебя.

Корнеев сказал это с улыбкой, но Громов не ответил. Андрей взял со спинки стула свою тёмную куртку и вышел в коридор. Вера в этот момент печатала счёт для Руднева и видела только, как он прошёл мимо стойки к кабинету и служебной части здания. Направление само по себе ничего не значило: там же находился короткий проход к крытой террасе.

Около десяти двенадцати она понесла одеяло наверх. На лестнице столкнулась с Мариной Сазоновой, которая спускалась за горячей водой.

— Чайник в номере не работает? — спросила Вера.

— Работает. Просто Кирилл всё ещё внизу, а я решила попить чаю.

— На кухне ещё есть кипяток. Людмила даст.

— Спасибо. У вас здесь тихо, если бы не дождь.

— К нему привыкаешь.

Они разошлись. Вера оставила одеяло у двери Громовых, постучала и дождалась Нины. Та открыла почти сразу, в домашней кофте, с распущенными волосами.

— Спасибо. Павел всё ещё внизу?

— Играет.

— Пусть играет. Может, хоть там кому-то повезёт.

Вера не нашлась с ответом. Она спустилась по лестнице, свернула к стойке и увидела, что в гостиной кто-то стоит спиной к двери у столика с водой. Тёмная куртка, капюшон опущен, мокрые волосы на затылке. Мужчина взял стакан и направился к террасе. Громов в этот момент громко спорил с Кириллом о правилах, и никто не повернул головы.

Вера решила, что это Корнеев. Она видела его куртку несколько минут назад. Лица она не разглядела: нужно было проверить, не оставила ли Нина термостат на максимуме, и закончить расчёты за завтрашние завтраки.

У стойки лежал листок, которого раньше не было. На нём рукой Игоря было написано: «После 22:00 мост не проезжать. Вода по край дороги. Конусы переставил выше». Вера взяла телефон и набрала местную аварийную службу, чтобы уточнить, можно ли ожидать дорожников ночью. Ответили не сразу. Диспетчер подтвердил: до утра никто не приедет, проезд следует закрыть.

Вера повесила трубку и вышла к входу. Елена Корнеева всё ещё стояла под навесом, но теперь разговаривала не по телефону, а с кем-то за углом здания. Вера слышала только её голос:

— Я сказала, что не буду в этом участвовать. Сколько можно повторять?

Когда Вера открыла дверь, Елена резко обернулась. За углом никого не было видно.

— Всё в порядке? — спросила Вера.

— Да. Просто семейный разговор.

— Дорогу подмыло. Ночью лучше не выезжать.

— Я и не собиралась.

Елена прошла мимо неё в холл. От пальто пахло дождём и сигаретным дымом. Вера не стала напоминать о запрете курения под навесом: у неё и без того не было сил спорить с гостями из-за мелочей.

В десять двадцать шесть Корнеев вернулся к карточному столу. Вера увидела его лицом: без куртки, с мокрыми волосами у висков. Он извинился за задержку и спросил, кто выиграл прошлую сдачу.

— А ты сам как думаешь? — ответил Громов. — Пока тебя нет, тут вообще играть некому.

— Значит, я вовремя.

Он сел, взял карты и какое-то время смотрел на них, прежде чем сделать ход. Нина, вернувшаяся за мужем, сказала, что ему пора наверх. Павел пообещал закончить ещё одну партию. Слово «одну» в его исполнении обычно означало не меньше трёх.

Вера проверила часы. До конца смены оставалось полчаса, но она ещё не передала дежурство Игорю. Ночью он обычно оставался в корпусе: смотрел котельную и отвечал на звонки, если кто-то не мог найти дополнительную подушку или открывал окно, а потом жаловался на холод.

В десять сорок она позвонила в кабинет Лаврова. Хотела предупредить, что дорогу закрыли и до утра никто не сможет уехать. Ответа не было. Она подождала, набрала ещё раз и решила, что хозяин занят. Обычно он снимал трубку, даже если разговаривал с гостем, но сегодня всё шло не как обычно.

В одиннадцать без пяти Игорь принёс из кухни кружку чая и спросил, не надо ли ещё чего-нибудь.

— Только запиши в журнале, что мост закрыт, — сказала Вера. — И если кто-то захочет уехать, не выпускай без проверки дороги.

— Понял. Виктор Аркадьевич знает?

— Я звонила, он не ответил. Сходи к нему, когда закончишь с котельной.

— Сейчас схожу. Он мне ещё обещал подписать накладную на насос.

Игорь поставил кружку и направился в коридор. Вера занялась сверкой кассы. За карточным столом наконец разошлись; Громов с женой поднялись наверх, Кирилл задержался у камина, Корнеев пожелал всем спокойной ночи и ушёл в свой номер. Руднев забрал из столовой пустую чашку, которую всё-таки так и не вернул Людмиле.

Из коридора донёсся голос Игоря:

— Виктор Аркадьевич? Это я, Игорь. Вы дверь не закрыли.

Вера подняла голову. Секунд десять было тихо, затем что-то глухо ударилось о пол.

— Вера! — крикнул Игорь, и по голосу она сразу поняла: это не очередная накладная и не прорвавшая труба. — Вера, сюда! Быстро!

Она побежала, едва не задев плечом косяк.

Дверь кабинета была распахнута. Игорь стоял возле стола, белый до губ, и смотрел вниз. Виктор Лавров лежал на полу между креслом и книжным шкафом. Одна рука была вытянута к ножке стола, другая неестественно подвернулась под тело. На виске и в волосах темнела кровь.

Вера остановилась у порога. Первой мыслью было, что он упал. Потом она увидела перевёрнутый стул и разбитую стеклянную рамку возле шкафа.

— Не трогай его, — сказала она Игорю.

— Я уже… я только посмотрел…

— Дышит?

— Не знаю.

Вера достала телефон, набрала 112 и назвала адрес. Диспетчер попросил проверить дыхание, не перемещая человека без необходимости, и уточнил, есть ли опасность для находящихся рядом. Вера опустилась на колени, стараясь не наступить в кровь. Она действовала по указаниям, но быстро поняла, что признаков жизни не видит. Диспетчер продолжал задавать вопросы; Вера отвечала коротко и иногда просила повторить.

Когда разговор закончился, Игорь всё ещё стоял возле стола.

— Что делать? — спросил он.

— Выйди. Никого сюда не пускай. И сам больше ничего не трогай.

— Я дверь толкнул, она не была заперта. Потом подошёл…

— Потом расскажешь полиции. Сейчас иди к входу, встречай медиков. Предупреди про дорогу и мост. Пусть диспетчер знает, где объезд через хозяйственный съезд, если он проходим.

Игорь кивнул и вышел. Вера осталась у двери, не решаясь повернуться к комнате спиной. Ей казалось, что если она сейчас уйдёт, то что-то важное исчезнет или изменится. Она заста-

вила себя отступить в коридор и закрыла доступ к кабинету, оставив дверь в том положении, в каком её застал Игорь.

В гостиной стоял Кирилл Сазонов с чашкой в руке. Он посмотрел на Веру и медленно поставил чашку на стол.

— Что случилось?

— Вызвали скорую. Пожалуйста, оставайтесь здесь.

— Кому?

Вера не ответила сразу. В этот момент она услышала шаги наверху, хлопок двери и голос Громова:

— Что за крики? Мы только легли!

Она подняла глаза на лестницу. Люди начинали выходить из номеров. Кто-то спросил про пожар, кто-то — про дорогу. Елена Корнеева стояла у перил, держась за них обеими руками. Андрей появился за её спиной, уже в свитере и брюках, и посмотрел сначала на Веру, потом в коридор кабинета.

— Виктор? — спросил Корнеев, не сводя глаз с коридора.

Вера не успела ничего сказать.

— Что с Виктором Аркадьевичем? — спросил Руднев с лестницы.

Она подумала, что до сих пор не произнесла его имени вслух. Даже диспетчеру назвала только возраст и адрес.

— Его нашли в кабинете, — ответила Вера. — Врачи едут. Пожалуйста, не ходите туда.

Никто не спорил. Это было даже странно после целого дня мелких требований, недовольства и возражений. Громов сел на ступеньку, будто у него внезапно заболели ноги. Нина остановилась рядом и положила ладонь ему на плечо. Кирилл достал телефон, но Марина, появившаяся из коридора, тихо попросила убрать его.

За окнами продолжал идти дождь. Вера услышала, как Игорь снаружи заводит служебный автомобиль, чтобы проверить возможность проезда, и резко вышла на крыльцо.

— Никуда не езжай один! — крикнула она. — Сначала дождись ответа диспетчера!

Он заглушил двигатель. Под козырьком вода стекала сплошной полосой, и от этого обычный свет над дверью казался мутным.

Вера вернулась в холл. Она открыла журнал заселения и пересчитала фамилии. Полиция спросит, кто находился в отеле, но сейчас она могла назвать только постояльцев.

Восемь.

Потом вспомнила девятый прибор.

Вечером она почти не придала ему значения. Теперь посмотрела на закрытую дверь столовой и впервые подумала, что не знает, кого именно Виктор Аркадьевич собирался встретить. И приходил ли этот человек вообще.

Глава 3. Никто не уезжал

Вера не сразу поняла, что телефон у неё в руке всё ещё открыт на журнале вызовов. Экран погас, она нажала боковую кнопку и увидела время: двадцать три семнадцать. Диспетчер обещал передать сведения о размытой дороге тем, кто выехал к отелю, и попросил не предпринимать ничего, что могло бы помешать медикам и полиции.

В холле было людно, но никто не разговаривал громко. Громов сидел на нижней ступени лестницы и потирал ладонью колено. Его жена стояла рядом, не решаясь то ли увести его в номер, то ли остаться. Руднев, до этого весь вечер безупречно вежливый, раздражённо повторял кому-то по телефону, что никаких комментариев дать не может.

— Виктор умер? — спросила Ольга Миронова.

Она сказала это тихо, и в холле замолчали.

— Он без сознания. Скорую вызвали, Ольга Петровна. Врач ещё не приехал.

— Но вы же его видели.

— Видела.

Ольга опустила глаза. На ней был длинный домашний кардиган, поверх которого она наспех набросила дождевик. Вера подумала, что та, должно быть, собиралась выйти на улицу. Сейчас любой пустяк выглядел подозрительным, и это раздражало сильнее, чем чужие вопросы.

— Можно всем остаться в холле? — попросила она. — Пока не приедут сотрудники. И, пожалуйста, не заходите в кабинет.

— У вас что, убийство? — спросил Громов, прекращая растирать колено.

— Мы ещё не знаем, что случилось. Пожалуйста, не подходите к кабинету.

— Тогда зачем нам тут сидеть?

— Потому что человеку плохо, а вы мешаете вызвать помощь, — сказала Марина Сазонова. — Если вы хотите помочь, не мешайте.

Громов открыл рот, посмотрел на неё и промолчал. Вера была благодарна Марине за эти слова, хотя та произнесла их с таким выражением, будто отчитывала не взрослого мужчину, а пациента, который сорвал повязку.

Из служебного коридора вышла Людмила Павловна. Она вытирала руки полотенцем, хотя кухня давно была убрана.

— Игорь сказал, Виктору Аркадьевичу плохо. Что там?

— Вызвали скорую. Вы когда его видели последний раз?

— После ужина. В коридоре, у кладовой. Он спросил, остался ли горячий чай.

— Во сколько?

— Да кто ж знает. Около девяти. Может, без четверти. Я тогда уже посуду домывала.

Вера достала блокнот. Не потому, что собиралась расследовать смерть хозяина, — ей нужно было удержать в голове то, что сейчас говорили люди. В отеле любая путаница с временем через полчаса превращалась в уверенное воспоминание.

— Не записывай так, будто меня допрашиваешь, — попросила Людмила.

— Я записываю для себя. У нас смена, происшествие. Потом не вспомню.

— Чай он не взял. Сказал, сам сделает.

На крыльце хлопнула дверь. Игорь ввалился в холл с мокрыми волосами и красными руками.

— Звонили с дороги. Машина скорой у моста. Говорят, можно пройти пешком, но носилки по доскам не пронесут. Я сейчас с фонарём пойду навстречу.

— Один не ходи, — сказала Вера. — Возьми запасной фонарь и жилет. И спроси, нужна ли помощь, прежде чем что-нибудь трогать.

— Да я понял.

— Игорь, — остановила его Марина. — Там есть место, где можно безопасно пройти?

— Сбоку, по старому настилу. Он держит, но скользко. Я днём ходил. Сейчас вода поднялась.

— Значит, не говори, что держит, — ответила она. — Скажи, что днём проходил, а сейчас не проверял.

Игорь помрачнел, но спорить не стал.

Вера подумала, что с утра он успел починить замок, поменять прокладку на кухне и дважды съездить к насосной станции. А теперь ему предстояло встретить медиков у размытого перехода. Вера боялась отпускать его к воде, но без человека с фонарём приехавшие могли не найти безопасный подход.

— Иди до развилки, — сказала она. — Дальше без них не двигайся.

Он кивнул и исчез за дверью.

Через несколько минут врач вышел из кабинета. Снял перчатки и назвал время констатации смерти. Вера записала цифры в блокнот, хотя это время не было временем удара. Только когда врач спросил, кто вызывал службу, она смогла ответить.

Вера ответила, потом повторила всё ещё раз — уже человеку из полиции, прибывшему вслед за медиками. Первым приехал участковый, которого она знала в лицо, но не по имени. Он не стал обещать, что все быстро разъедутся, и не объявил никого подозреваемым. Попросил оставить помещение закрытым и установить, кто находился в здании.

— Список проживающих есть?

— Есть. Восемь человек.

— Сотрудники?

— Я, повар, техник. Горничная закончила смену раньше, но ночует в служебной комнате, когда дождь сильный. Сегодня осталась. Я её сейчас позову.

— Хозяин?

— Жил здесь, в первом корпусе.

Участковый перевёл взгляд на открытую страницу журнала.

— Кроме этих восьми кто-то приезжал?

Вера вспомнила девятый прибор. У неё было неприятное чувство, будто она упустила незначительную просьбу, которая теперь оказалась важнее всех остальных дел за день.

— Виктор Аркадьевич ожидал человека. Имени не сказал. Не знаю, приехал ли тот.

— А как должен был попасть?

— У нас вход один для гостей и служебная дверь со двора. Владелец сказал, что встретит сам.

— Записи с камер есть?

— У входа и на разгрузочной площадке. В коридорах нет. Регистратор в подсобке, ключ у Игоря и у меня.

— Пока не открывайте. Приедут сотрудники, разберутся.

Она хотела возразить, что записи могут перезаписаться, но вовремя вспомнила: система хранила архив несколько дней. И всё-таки сказала об этом. Участковый записал.

Вера пошла за Тамарой Жуковой. Горничная сидела в маленькой служебной комнате на первом этаже, в очках, с книгой на коленях. Узнав о смерти Лаврова, она не вскрикнула и не ахнула. Только медленно закрыла книгу, заложив страницу пальцем.

— Я думала, что это из-за моста все бегают, — сказала она. — Видела машину с мигалкой. Я могу чем-то помочь?

— Пока просто спуститесь в холл. Вас спросят, когда вы видели Виктора Аркадьевича.

— Вечером. Я полотенца в шкаф относила. Он с кем-то разговаривал.

Вера остановилась.

— С кем?

— Не видела. Дверь была прикрыта. Голос мужской, чужой. Или мне показалось. Виктор Аркадьевич сказал: «Не здесь». Я и прошла дальше.

— Когда это было?

— После семи. Я часы не смотрела. Потом бельё раскладывала, минут двадцать точно.

Вера не стала спрашивать, почему Тамара раньше ничего не сказала. До приезда полиции никто не считал вечерние разговоры хозяина событием, о котором следовало докладывать.

К часу ночи в отель приехали сотрудники следственно-оперативной группы. Они долго занимались кабинетом, осматривали коридоры, беседовали с теми, кто мог что-то видеть, и отдельно уточняли состояние дороги. Вера показала журнал регистрации, служебные помещения и расположение камер. Ей предложили не пытаться самостоятельно восстанавливать события вместе с гостями.

— Я и не собиралась, — ответила она.

Следователь, невысокая женщина в тёмном плаще, посмотрела на её блокнот.

— А это?

— Записи по смене. Кто что сказал до вашего приезда. Если нужно, отдам.

— Пока оставьте у себя. Но ничего не исправляйте. И людей не расспрашивайте специально. Потом будем сравнивать их показания, а не то, о чём они успели договориться между собой.

— Понятно.

Следователь представилась Ириной Мельниковой. Говорила она спокойно и без нарочитой суровости. Вере это понравилось. Она устала от людей, которые повышали голос, чтобы казаться увереннее.

Позже Мельникова попросила Веру показать, где Лавров обычно держал бумаги. Они остановились на пороге кабинета. У зелёной лампы на столе белел прямоугольник в пыли: там много лет стояла бронзовая фигурка с тяжёлым основанием. Теперь её не было.

— Здесь обычно стояла фигурка, — сказала Вера. — Не знаю, когда её убрали.

Мельникова попросила ничего не трогать и уточнила, давно ли Вера видела предмет на месте. Та не смогла назвать день. Следователь сделала пометку, и они вернулись к стойке.

— Кто распорядился накрыть девятый прибор? — спросила Мельникова, просматривая сообщение Лаврова на экране телефона.

— Он. Я передала повару.

— Кто-нибудь видел, как девятый человек вошёл?

— Я — нет.

— Вы уверены, что он вообще был?

— Нет.

— Тогда пока так и запишем.

Вера посмотрела через стеклянную дверь столовой. Стол давно убрали, скатерть лежала в корзине для белья, стулья были задвинуты. Девятого места больше не существовало. Но сообщение в телефоне оставалось.

Той ночью гостиница окончательно перестала походить на место отдыха. На лестнице стояли люди с телефонами, в столовой остывал чай, на мокром коврике у входа сменяли друг друга чужие ботинки. Люди из следственной группы носили оборудование в закрытых сумках, и Вера не могла отличить их работу от привычной гостиничной суеты: и те и другие старались не мешать друг другу в узких коридорах.

Игорь предложил поставить перед кабинетом переносную ширму, чтобы постояльцы не смотрели внутрь каждый раз, проходя мимо. Мельникова сказала, что сначала необходимо закончить осмотр, а потом проход будет ограничен официально. Он убрал ширму в подсобку и вернулся с листами бумаги и скотчем. Вера написала «ПРОХОД ЗАКРЫТ» крупными бук-

вами, закрепила лист на двери со стороны лестницы и только тогда заметила, что рука дрожит. Скотч прилип к пальцу; она трижды пыталась его оторвать.

— Давайте я, — сказал Игорь.

— Сама.

— Я не сомневаюсь. Просто у меня уже руки в клею.

Она отдала ему рулон и ушла к стойке. Корнеев сидел в гостиной с чашкой кофе. Громов разговаривал с ним вполголоса, а Руднев стоял у окна, не глядя на них. Елена Корнеева спустилась с лестницы в домашнем свитере и остановилась, увидев бывшего мужа.

— Тебя вызывали? — спросила она.

— Пока нет.

— Ты с Виктором говорил сегодня?

— Я с половиной людей здесь разговаривал, Лена. Ты о чём?

— О том, что он ждал тебя.

Корнеев поставил чашку. Вера не слышала его ответа: в этот момент зазвонил служебный телефон. Она отвлеклась, записала сообщение для Мельниковой, а когда вернулась взглядом к гостиной, Елена уже ушла. Ей показалось, что Корнеев рассержен, но такое выражение лица легко было принять и за усталость.

Позже пришла Нина Громова. Попросила два стакана воды и аспирин, но Вера объяснила, что лекарства гостям не выдаёт, а при необходимости вызовет медика. Нина отказалась. Села на стул возле стойки и долго разворачивала платок, которым вытирала руки.

— Паша всё время говорит, что мы здесь заперты, — сказала она. — Но я не могу понять, что хуже: остаться до утра или поехать ночью по той дороге.

— Сейчас ехать не стоит. Об этом предупреждали дорожники.

— Он от страха становится громким. Я уже привыкла. Он не злой.

— Я не оценивала его характер.

— Я знаю. Просто сейчас все смотрят на всех так, будто выясняют, кто на что способен.

Вера принесла ей воды. Нина отпила, затем неожиданно спросила, есть ли у них гостевая книга. Не электронные отзывы, а старая, бумажная.

— Была, — ответила Вера. — Лежит в шкафу за стойкой. Хотите написать?

— Нет. Я хотела прочесть, что люди говорили об этом месте до сегодняшнего вечера.

Вера достала книгу. Первые страницы заполняли школьные группы и семьи с детьми: благодарности за рыбалку, рисунки солнца, пожелания повару. На одной странице кто-то нарисовал маленькую лодку и подписал: «Здесь папа впервые научил меня грести». Нина провела пальцем по рисунку.

— Забавно. Я сама на курортах ничего не пишу. А у кого-то целая жизнь в одной строчке.

— Мы храним её не ради проверки качества сервиса, — сказала Вера.

— Тогда зачем?

Вера задумалась. Хозяин когда-то велел убрать книгу, считая её пережитком, но потом передумал: гости просили оставить. Она так и сказала.

Нина закрыла книгу и попросила поставить обратно. Встала, чтобы пойти к мужу, но задержалась у лестницы.

— Если завтра меня спросят, где Паша был вечером, я смогу сказать только то, что видела. Не больше. Он наверняка обидится.

— Тогда это будет его обида, — ответила Вера. — Не ваша ошибка.

Нина кивнула, хотя, кажется, вовсе не ждала от администратора такого ответа. В гостинице все уже готовились защищать друг друга или себя. Вера вдруг поняла, как трудно будет получить простое свидетельство от человека, который привык считать верность важнее точности.

Перед рассветом приехал ещё один автомобиль. Вера вышла к двери и показала водителю, где поставить машину, чтобы не загородить доступ экстренным службам. За стеклом светлел лес, но дорога к городу оставалась перекрытой. Ей хотелось, чтобы день начался как обычно: чтобы привезли хлеб, гости спустились за кофе, а самый трудный вопрос касался утюга. Снаружи уже светало, и пока ни одно из этих желаний не выглядело выполнимым.

Под утро она вышла на крыльцо. Игорь стоял у перил с бумажным стаканом чая. Его рабочая куртка висела на плечах тяжёлой мокрой тряпкой.

— С мостом что? — спросила Вера.

— Машины не проходят. Пешком можно, если со страховкой. Спасатели обещали утром посмотреть. Полиция на внедорожнике через лесной съезд добралась, но там тоже размыло.

— Значит, никто не мог уехать?

— На машине — после десяти точно нет. До десяти не знаю. Пешком… кто захочет, тот пойдёт. Только куда он в такую ночь доберётся?

— Вот именно, — сказала Вера, хотя уже понимала, что этот вопрос не так прост, как ей хотелось.

В холле зазвонил внутренний телефон. Она вернулась за стойку. Звонила дочь, которая проснулась и увидела сообщения о происшествии в местном чате.

— Мам, ты где?

— На работе.

— Там пишут, у вас кого-то убили.

Вера посмотрела на закрытый коридор, где всё ещё работали сотрудники.

— Пока не читай ничего. Я в порядке.

— А ты приедешь завтра?

Вера хотела сказать «конечно». Но завтра уже наступило, и она понятия не имела, когда сможет уехать.

— Позвоню утром, — сказала она. — Обязательно.

Дочь помолчала.

— Ладно. Только позвони сама, хорошо?

— Хорошо.

Вера положила трубку и впервые за ночь почувствовала, насколько устала. На стойке лежал её блокнот. На последней странице она записала восемь фамилий и оставила строку для человека, которого хозяин собирался встретить. Строка пока оставалась пустой.

Глава 4. Последний разговор

К восьми утра дождь перешёл в мелкую морось. Вера вышла из служебной комнаты, где сумела поспать чуть больше часа, и обнаружила, что Людмила уже готовит завтрак. Повар работала молча. Обычно она разговаривала даже с пустой кастрюлей, если та не хотела закипать, но сегодня только передвигала посуду и смотрела на плиту.

— Вы бы домой поехали, — сказала Вера.

— На чём? Через мост на табуретке? — Людмила поставила перед ней кружку. — Пей. Ты вчера толком не ела.

— Я не хочу.

— Я не спрашиваю.

Вера взяла кружку. Людмила положила в чай две ложки сахара вместо одной. Вера выпила глоток и почувствовала, как от усталости у неё дрожат пальцы.

— Тамара где?

— Сидит в комнате. Её уже спрашивали. Она плачет, только когда одна. При мне держится.

— А гости?

— Половина не спала. Громов ночью требовал машину. Ему объяснили про дорогу. Сазонов всё ходил с телефоном, искал связь. Руднев спрашивал, можно ли ему работать в столовой. Я сказала, что столовая не нотариальная контора.

Вера отпила чай и осторожно спросила:

— Вы Виктора Аркадьевича вчера видели около девяти?

Людмила подняла глаза.

— Ты опять?

— Нет, простите. Мне просто не даёт покоя, что я ему звонила в десять сорок, а он не ответил.

— Вера, ты с утра начнёшь все часы пересчитывать — к обеду свихнёшься. Пусть люди работают.

Она была права. Вера отставила кружку и пошла проверить, хватит ли в номерах горячей воды. Это была работа, которую она понимала, в отличие от вопросов о смерти хозяина.

В коридоре её остановил Дмитрий Руднев. Он успел переодеться в светлую рубашку и выглядел так, словно собирался на деловую встречу, а не провёл ночь в отеле, где нашли убитого человека.

— Вера, доброе утро. Извините, что сразу с делом. Интернет у вас работает?

— Через раз. Провайдер обещал проверить линию.

— Мне нужно связаться с офисом. Сегодня должны были подписывать предварительные документы.

— Полагаю, теперь не будут.

Руднев отвёл взгляд.

— Разумеется. Я не об этом. Есть обязательства перед третьими лицами. Нужно сообщить, что встреча не состоится.

— В столовой сеть лучше ловит, ближе к окну.

— Спасибо. И ещё. Вы не знаете, где Виктор Аркадьевич хранил документы по сделке?

Вера посмотрела на него.

— Это сейчас не ко мне.

— Понимаю. Просто некоторые бумаги принадлежат нашей стороне.

— Скажите следователю.

Он кивнул, но остался стоять.

— Вы давно знали Виктора?

— Семь лет.

— Он был трудным человеком?

— По-разному.

— Да. — Руднев поправил манжету. — По-разному.

Вера ушла, не спросив, что тот хотел этим сказать. Раньше она непременно уточнила бы, не требуется ли гостю ещё что-нибудь. Теперь хотелось, чтобы люди сами отвечали за свои недомолвки.

За ночь после приезда полиции Вера не могла вспомнить, у кого просила подпись на листе ознакомления с правилами безопасности. В гостинице возникло множество новых правил, и ни одно не было записано привычным для неё языком. Не входить. Не перемещать. Не обсуждать. Не выключать. Люди, которые ещё утром требовали дополнительные подушки, теперь боялись спросить, можно ли забрать зубную щётку из номера.

Тамара принесла пачку пустых пакетов для мусора и спросила, как проводить уборку. Вера объяснила, что номера не трогают до разрешения сотрудников, но кухню, лестницы и общественные туалеты нужно обслуживать. Через полчаса Тамара вернулась: гость из второго номера попросил забрать мокрые ботинки, а полицейский велел ничего не трогать в помещении. Вера позвонила Мельниковой за разъяснением. Та попросила не переносить вещи, которые могут относиться к событиям вечера, и указала, где поставить таблички, чтобы никто случайно не вошёл в перекрытый коридор.

— Простите, что дёргаю по хозяйственным мелочам, — сказала Вера.

— Для вас они не мелочи. А мне лучше ответить сейчас, чем потом выяснять, кто и что переставил.

Повар тем временем составила список того, что можно приготовить без новой поставки. В холодильнике лежали две большие рыбины, целый ящик моркови и несколько упаковок масла. Людмила смотрела на продукты с обидой, словно именно они обещали ей нормальные выходные.

— На три дня хватит, — сказала она. — А дальше пойдём собирать шишки. Суп из них делать не обещаю.

— Дальше найдём поставку.

— Ты сначала найдёшь человека, который её подпишет. У нас всё через Виктора Аркадьевича шло.

Вот это было правдой. Система казалась простой, пока хозяин был жив: счёт привозили, Вера сверяла накладную, бухгалтерия проводила оплату, Лавров ставил последнюю подпись. Теперь последний пункт внезапно превратился в закрытую дверь. Работу остальных никто не отменял.

Вера собрала сотрудников в подсобной комнате. Игорь стоял у окна, Тамара присела на край стула, Людмила прислонилась к шкафу с аптечкой. Втроём они выглядели так, будто ждут распоряжения о закрытии отеля.

— У нас нет решения по гостинице, — сказала Вера. — Но есть люди в номерах. Кормим, убираем там, где разрешено, следим за горячей водой. Счета без подписи я не оплачу. Чужие комнаты не открываем из любопытства. Если полиция о чём-то спрашивает — отвечаете за себя, а не за весь коллектив.

— А кто нас завтра рассчитает? — спросила Тамара.

— Я уточню в бухгалтерии.

— То есть ты тоже не знаешь.

— Не знаю. И сейчас не стану выдумывать.

Игорь усмехнулся без веселья.

— Сочувствую новому начальству. У него с первого дня дефицит сказок.

Людмила не поддержала шутку. Она посмотрела на пустой стул, который обычно занимал Лавров, когда заходил обсудить меню на выходные.

— Он мне в четверг сказал, что рыбу надо готовить иначе. Я ему ответила, что за пятнадцать лет он мог бы уже определиться. — Повар помолчала. — А сегодня даже поспорить не с кем.

Вера посмотрела на пустой стул, отодвинутый от стола. Никто не торопился занять его.

В конце собрания Игорь попросил письменное разрешение отключить неисправный датчик в кладовой. Вера попросила сначала согласовать с полицией и пожарным подрядчиком. Он вздохнул, но кивнул. Уже выходя, Тамара остановилась.

— Я ведь не увольняться собиралась, — сказала она тихо. — Я просто хотела знать, что будет с нами.

Никто не нашёл нужной фразы. Вера проводила их взглядом и вернулась в холл, где Руднев остановил её у стойки.

— Я завтра собирался встретиться с Виктором Аркадьевичем. Теперь, разумеется, не получится?

— Не получится, Дмитрий Валерьевич. Все вопросы по его документам передайте следователю.

Вера набрала дочери сообщение: «У нас тяжёлые дни, но я позвоню вечером». Удалила слово «тяжёлые», добавила «после смены». Потом отложила телефон. Курсор всё ещё мигал в поле сообщения.

У лестницы сидела Елена Корнеева. Перед ней стояла нетронутая чашка кофе. Она держала телефон обеими руками и смотрела в погасший экран.

— Елена Сергеевна, вам завтрак принести?

— Не надо. Спасибо. — Елена подняла голову. — А Андрея уже опрашивали?

— Я не знаю, кого опрашивали. Сотрудники работают по своему порядку.

— Конечно. Извините.

Вера собиралась пройти, но Елена тихо добавила:

— Он вчера был у Виктора. До ужина. Я слышала, как они разговаривали в коридоре.

— И что?

— Ничего. Просто Андрей сказал мне потом, что они не виделись весь вечер. Я не понимаю, зачем ему это.

— Вы следователю сказали?

— Сказала. Она записала.

Вера не стала комментировать. Елена убрала телефон в карман и ушла к лестнице. Вера не остановила её.

На втором этаже Нина Громова спорила с мужем возле двери номера. Павел говорил негромко, но с тем нажимом, который бывает у человека, привыкшего, что его слышат и без крика.

— Я не обязан сидеть здесь до понедельника. У меня люди на объекте.

— Тебе объяснили, что дорога закрыта.

— Я найду машину с той стороны.

— И по воде пойдёшь? Павел, перестань.

Он увидел Веру и сразу изменил тон.

— Доброе утро. Есть новости по мосту?

— Осмотрят после девяти. Пока проезд закрыт.

— А пешком выйти можно?

— Этот вопрос лучше согласовать с сотрудниками. Игорь говорит, настил опасный.

— Да всё у вас опасное. Я вчера сказал, что дорогу смывает. Никто не слушал.

— Игорь проверял её до вашего сообщения, — ответила Вера. — Он и сообщил, что мост закрыт.

Громов посмотрел на неё с досадой. Нина осторожно коснулась его локтя.

— Паша, пойдём завтракать.

— Я не голоден.

— А я голодна.

Это подействовало. Громов тяжело вздохнул и пошёл за женой.

Вера проверила полотенцесушитель в шестом номере, убедилась, что он едва тёплый, и записала заявку на ремонт. Вчера эта неисправность казалась катастрофой для гостя, сегодня — почти утешением: существовала хотя бы одна проблема, которую можно было исправить обычным гаечным ключом.

В половине десятого Мельникова попросила её пройти в маленькую комнату рядом с ресепшеном. Там раньше хранились рекламные буклеты, теперь стояли два стола, стулья и шкаф с запасными канцелярскими принадлежностями. Следователь сидела с папкой и бумажным стаканом кофе. Напротив устроился мужчина в штатском, которого Вера ночью не видела.

— Это оперуполномоченный Антон Сергеевич Лебедев, — представила его Мельникова. — Нам нужно уточнить несколько моментов. В первую очередь — ваш вчерашний вечер.

Вера рассказала, как проверяла заселение, передавала распоряжение о девятом приборе, разговаривала с хозяином и следила за обслуживанием ужина. Когда дошла до карточной игры, Мельникова остановила её.

— Вы играли?

— Нет. Я была за стойкой. Несколько раз заходила в гостиную.

— Кто играл?

— Андрей Корнеев, Павел Громов, Дмитрий Руднев, Кирилл Сазонов. Ольга Петровна проходила через холл. Нина Громова некоторое время наблюдала за игрой.

— Вы видели, как Корнеев уходил?

— Да. Около десяти десяти. Сказал, что ему нужно позвонить.

— Вернулся когда?

— Я помню, что он снова сидел за столом позже. В десять двадцать шесть я проверяла время, потому что собиралась закрывать гостиную. Но был ещё момент…

Она замолчала.

— Какой?

— Мужчина в тёмной куртке стоял возле столика с водой. Я подумала, что это Корнеев. Со спины. Он потом пошёл к террасе.

— Вы видели лицо?

— Нет.

— Разговаривали?

— Нет.

— Почему решили, что Корнеев?

— Куртка похожая. И он только что уходил.

Мельникова что-то записала.

— Сколько времени вы его наблюдали?

— Секунд пять. Может, меньше. Я отвлеклась на телефон.

— Он был один?

— Насколько помню, да.

— Вы можете точно утверждать, что это был Андрей Корнеев?

— Нет, — сказала Вера и почувствовала раздражение на саму себя. — Я не могу.

Лебедев впервые заговорил:

— Вот это и важно. Не то, кого вам напомнил человек, а что вы видели своими глазами.

Он сказал это без упрёка. Вера кивнула.

Мельникова попросила показать сообщение о девятом приборе и звонок Лаврову в 22:40. Вера открыла телефон, не выпуская его из рук, и прочитала точное время. Следователь уточнила, мог ли хозяин сам открыть служебную дверь, не проходя через холл.

— Мог. Из кабинета туда можно попасть через короткий коридор, но дверь не рядом с кабинетом. Нужно пройти мимо кладовой. На площадке разгрузки камера.

— Кто имеет доступ к записи?

— Игорь и я. Пароль у нас общий, это плохо, знаю. Мы давно хотели сделать отдельные учётные записи.

— Пока ничего не меняйте.

— Не буду.

— И ещё: Виктор Аркадьевич говорил вам, зачем пригласил всех этих людей?

— Нет. Но завтра должна была обсуждаться продажа. Некоторые приехали из-за неё.

— Кто именно?

Вера перечислила тех, чьи цели знала: Руднев представлял покупателя, Корнеев занимался финансовыми документами, Громов был подрядчиком, с которым оставались расчёты. Ольга Миронова приезжала по старым имущественным вопросам. Про Сазоновых она ничего определённого сказать не могла.

— А Громов с Лавровым ссорились?

— При мне — нет. Громов спрашивал о нём и был раздражён. Но у нас люди и из-за подушки иногда ссорятся. Это ничего не доказывает.

Лебедев едва заметно улыбнулся.

— Не доказывает, — согласился он.

После разговора Вера вышла в холл. Тамара Жукова сидела у окна и машинально разглаживала край платка. Людмила принесла ей тарелку с кашей, но горничная только подвинула её подальше.

— Съешь хоть ложку, — сказала Людмила.

— Не могу.

— Тогда позже.

Вера села рядом. Тамара повернула к ней лицо.

— Я всё рассказала. Про голос в коридоре тоже. Только теперь думаю: вдруг это был вовсе не чужой человек? Я ведь не видела.

— Ты сказала, что слышала. Так и правильно.

— Они спросили, почему я не заглянула. А я что, должна была? Хозяин разговаривает с кем-то, дверь прикрыта. Мне бельё надо было убрать.

— Никто не обязан заглядывать в чужой разговор.

— Я знаю. Просто теперь всё выглядит иначе.

Вера ничего не ответила. С этим она была согласна.

После разговора с Тамарой Вера вышла на заднюю площадку, чтобы проверить, не подтекают ли коробки с продуктами под навесом. Дождь прекратился на полчаса, но земля за зданием всё ещё расползалась под ботинками. Игорь выносил из подсобки пустые канистры. Увидев Веру, предложил помочь с коробками, однако она попросила прежде показать, где намерен сложить отходы: после приезда полиции даже обычная хозяйственная площадка превратилась в часть маршрута, по которому нельзя было двигать вещи без согласования.

— Это я понимаю, — сказал Игорь. — Я просто хочу, чтобы у нас потом мусоровоз не увяз.

Он открыл ворота и показал сухую полоску вдоль забора. Вера записала новое место для контейнера, позвонила подрядчику, договорилась о переносе вывоза. Тот попросил прислать

подтверждение и неожиданно поинтересовался, кто теперь подписывает заявки, если «владелец сам больше не может».

— Уточним в бухгалтерии, — ответила Вера. — И, пожалуйста, не передавайте слухи водителям. Они потом пугают гостей.

— Мне водитель и рассказал, — смущённо признался мужчина. — Извините.

Вера закончила разговор. В это время на площадку вышла Ольга Миронова в плотном дождевике. Она остановилась у края дорожки и посмотрела вниз, где через заросли просматривался старый настил.

— Там раньше была лестница, — сказала она. — Со двора к причалу. Две площадки, перила железные. Потом верхний пролёт убрали.

— Сейчас туда нельзя. После дождя опасно.

— Я не собиралась идти. Просто вспомнила.

Ольга проследила за Игорем, который закрывал ворота, и спросила, сохранилась ли мастерская. Вера показала на небольшую кирпичную пристройку, где стояли инструменты.

— Там теперь у нас всё для обслуживания здания.

— Так и должно быть. У человека всегда ломается примерно одно и то же. — Ольга помолчала. — Мой муж в этой мастерской работал с пяти утра. Каждую весну сначала восстанавливал настил, потом чинил лодки. Домой возвращался так, что от него пахло смолой. Я сначала ругалась, потом привыкла.

— Вы приезжали сюда вместе?

— Только в начале. Позднее у нас появилась дочь, и я работала на другой смене. Лето проходило в разговорах, кто кого сменит. Глупо было думать, что это навсегда.

Она говорила не о собственности. Вера не спешила возвращать разговор к документам.

— После смерти мужа я пыталась передать бумаги в архив, — продолжила Ольга. — Там сказали, что интереснее фотографии людей и зданий. А договоры без приложений не возьмут. Я принесла фотографии. Посмотрели и спросили, зачем им один и тот же причал в разные годы.

— Для вас он не один и тот же.

— Именно. На одном снимке он новый, на другом после ледохода, на третьем уже почти сгнил. И в каждом году люди его ремонтировали. Если бы кто-нибудь захотел понять, кому принадлежит работа, без этих снимков не обойтись. А кому принадлежит земля — другой вопрос.

Вера кивнула. Ей нравилось, что Ольга не смешивает эти вещи, хотя сердится на них одинаково. Возможно, с возрастом человек учится одновременно понимать правила и ненавидеть то, как они устроены.

— А Лавров? — спросила она. — Он никогда не предлагал вам договориться?

— Предлагал. Деньги за отказ от претензий. Мы спорили о сумме, потом о том, кто вообще вправе её получать. Кооператив давно перестал собираться, а он хотел подписать бумагу с одним человеком. Я отказалась. Он сказал: «Вечно вы всё усложняете». — Ольга невесело усмехнулась. — Возможно, так и было. Я до сих пор не знаю, могла ли согласиться за всех.

— Эти сведения вы рассказали следователю?

— То, что касается нашего конфликта, да. Но я ведь не прошу её решить гражданский спор.

Игорь подошёл с пустой тележкой. Увидев Ольгу, предложил проводить её к главному входу по сухой дорожке. Она согласилась. По пути остановилась возле старой кирпичной кладки и провела пальцами по белому известковому шву.

— Здесь мы с мужем однажды спрятались от грозы, — сказала она. — Тридцать лет прошло. А кирпич всё тот же.

Вера смотрела, как они уходят. Ольга принесла с собой не только спор о причале, но и годы чужой работы, которые невозможно приложить к исковому заявлению.

Ближе к полудню Игорь сообщил, что спасатели начали укреплять проход у моста, но проезд машин откроют не раньше следующего дня, если не пойдут новые дожди. Гости приняли новость по-разному. Руднев попросил стабильный интернет, Громов долго разговаривал с прорабом, Марина Сазонова предложила Людмиле помочь с посудой и получила решительный отказ. Кирилл снова спрашивал про старую пристань, хотя теперь его интерес к прогулкам выглядел особенно неуместным.

Ольга Миронова подошла к Вере, когда та меняла бумагу в принтере.

— Вы знаете, что Лавров собирался продать не только здание?

— Я не видела договор.

— Там участок, берег, старый причал. Всё вместе. И кое-что из этого ему никогда не принадлежало.

— Вы говорили об этом полиции?

— Сказала, что у меня есть документы. Они обещали посмотреть.

Ольга поставила на стойку потёртую папку, но не открыла её.

— Я не желала ему смерти, — произнесла она. — Мы с ним спорили, это правда. Но вы ведь понимаете, что спор и убийство — разные вещи?

— Понимаю.

— Не все понимают.

Она забрала папку и ушла к лестнице.

Вера проследила за ней взглядом. Снаружи к крыльцу подошёл Лебедев и позвал Игоря. Они направились к служебной площадке. Вера увидела, как оперативник показывает на камеру под козырьком, а Игорь объясняет что-то, разводя руками.

Ей вспомнился мужчина у столика с водой. Тёмная куртка. Плечо, которое он чуть поднял, проходя мимо спинки кресла. Пять секунд — слишком мало, чтобы уверенно узнать человека, которого она видела вблизи весь день.

За стойкой зазвонил телефон. Вера ответила, назвала отель и услышала женский голос: звонили из соседнего посёлка, хотели узнать, состоится ли завтрашний банкет.

Она посмотрела на журнал бронирований. Там значилось двадцать четыре человека, аванс был внесён ещё в августе. Отменить праздник было бы разумно, но Вера не имела права самостоятельно решать, что теперь станет с бизнесом Лаврова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.